

«Чито-грито» из мобильников меня не раздражает

Мария БАБАЛОВА

Всемирно знаменитый грузинский композитор Гия КАНЧЕЛИ, автор музыки к фильмам «Мимино», «Не горюй!» и «Кин-дза-дза», приехал в Москву всего на несколько дней. 24 и 25 ноября на сцене Театра Киноактера Тбилисский Театр имени Шота Руставели представит свою последнюю премьеру – «Стикс» на музыку Гии Канчели в постановке Роберта Стура. Этот спектакль еще толком не показывали дома, так как здание театра уже третий год на ремонте. После Москвы «Стикс» ждут на фестивале в Иране. Перед московскими представлениями Гия Канчели дал интервью «РК».

– Ныне у вас много дел в Москве?

– Много. Увы, в будущем году мне исполняется 70 лет. Возникла идея издавать книгу, куда войдут диалоги со мной и очень многое из моей переписки. В 1991 году уже выходила одна книжка обо мне – «Песнопения», по-моему, очень неплохая. Такая книжка на туалетной бумаге. Она стала последним произведением издательства «Советский композитор». Но после этого я уехал и написал довольно большое количество музыки. Конечно же, и «Стикс» обязательно послушаю.

– Вы стараетесь отслеживать каждое исполнение своих сочинений?

– К сожалению, сегодня физически я не могу отслеживать каждое исполнение. Кроме того, мои сочинения стали исполняться настолько часто и в разных странах, что я за ними не успеваю. На днях Юрий Башмет исполнил мою «Литургию» в Берлине. Перед отъездом в Москву я получил сообщение от своего издателя Sicorsky в Гамбурге о том, что на ближайшее время назначено еще восемь различных исполнений моих сочинений. Только моя Четвертая симфония будет дважды звучать в Берлине. Конечно, мне было бы интересно, как эту симфонию, которая давно написана, воспринимают слушатели сегодня. Но у меня нет возможности ездить и все это слушать.

– Но ради «Стикса» вы все-таки приехали...

– С Робертом Стура я работаю всю жизнь. И это первый спектакль, где он экспериментировал без моего непосредственного участия. Во время своего недавнего визита в Тбилиси я видел только одну репетицию. И сейчас в Москве, если мне позволит мой друг, я, может быть, предложу какие-нибудь свои мысли по поводу этого спектакля. Откровенно говоря, я очень волнуюсь. Но не за свою музыку, а за «свой» театр и за «своего» режиссера. Потому что это довольно необычное явление, когда в драматическом театре не произносится ни единого слова.

– Вы из тех композиторов, кто вносит поправки в свои произведения и после их мировой премьерой?

– Да. Я всегда бываю очень рад, если что-нибудь из моих произведений звучит в Большом зале Московской консерватории. Для меня это лучший зал в мире, где я прекрасно слышу все свои ошибки и просчеты. Это зал с гениальной акустикой. Я

вношу поправки до тех пор, пока не почувствую, что больше ничем не могу помочь своему произведению. Тогда я с ним расстаюсь.

– А вы готовы пожертвовать качеством исполнения вашей музыки ради того, чтобы она чаще звучала?

– Нет. Я предпочел бы, чтобы моя музыка звучала реже, но ее исполнение соответствовало бы моим потребностям. Я считаю, что должны существовать прежде всего эталонные исполнения.

– Вы можете предугадывать судьбу своих произведений?

– Нет. Одних авторов играют при их жизни, а других – только после их смерти. Все по-разному. Но если я скажу, что мне не нравится то, что мою музыку часто исполняют, это будет неправдой. Очень даже приятно. И хотелось бы, чтобы это продолжалось и в будущем.

– Какой, на ваш взгляд, должна быть сегодня музыка, апеллирующая к вечности?

– Это зависит от индивидуального восприятия. Невозможно определить сегодня, что останется, а что улетучится. Это станет понятно лишь со временем. Очень многое из того, что создается, быстро предается забвению. Но в музыке эта проблема решается намного проще, чем, например, в архитектуре. Плохое произведение искусства веками стоит, а потом становится достопримечательностью. А в музыке подобные образцы тихо становятся достоянием библиотечных полок.

– На ваш взгляд, есть незаслуженно забытая музыка?

– Если говорить о великой музыке, наверное, нет.

– Для вас это комплимент, когда вы слышите свою музыку из мобильников или в подземном переходе?

– Скорее, да. В этом нет ничего плохого. «Чито-грито» из «Мимино» я слышу постоянно. Правда, и те, у кого из телефона звучат Бах или Моцарт, вряд ли станут настоящими ценителями серьезной музыки.

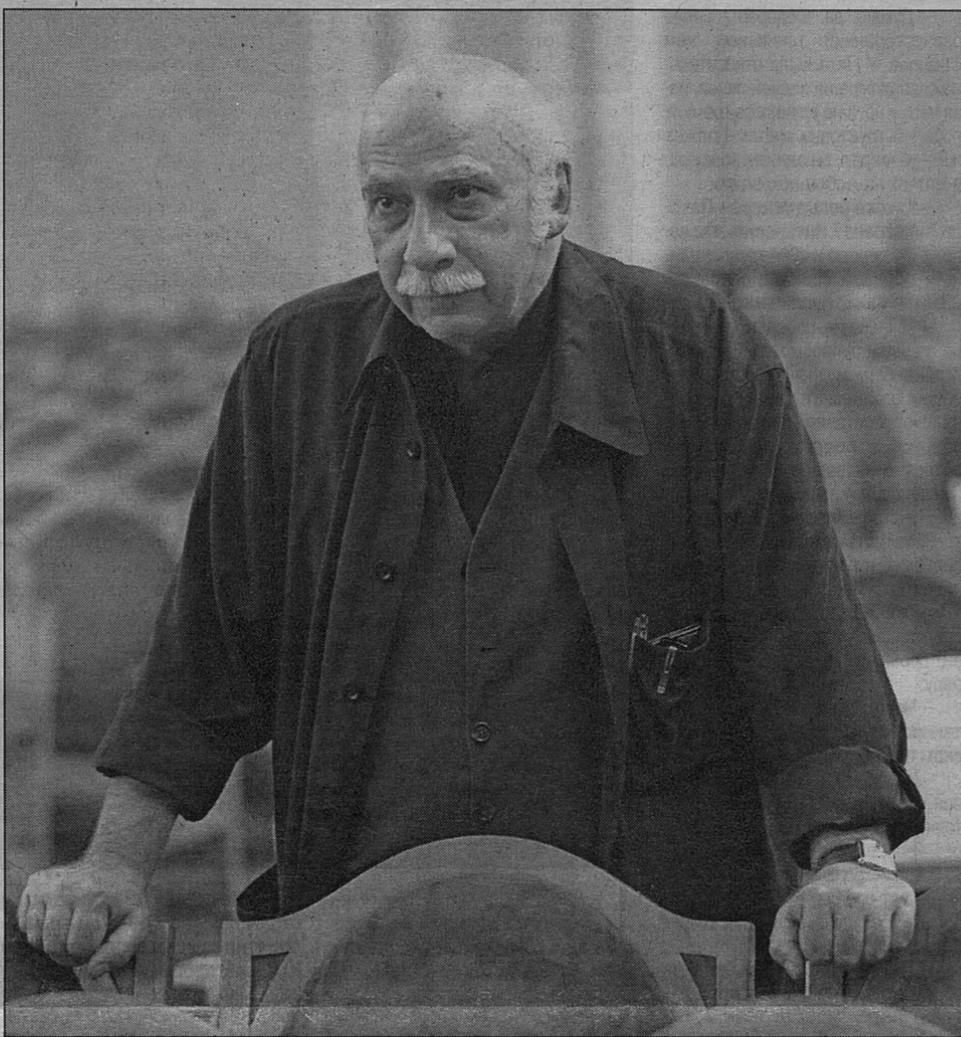
– А вам нравится работать на заказ продюсеров или режиссеров?

В Грузии нет нормальной капеллы. Поэтому хор для постановки пришлось делать смешанным. И моя опера шла до тех пор, пока мальчики и девочки не подросли настолько, что девочки начали беременеть...

– «Заказ» – немного грубо звучит. Я предпочитаю называть это предложением. И тогда очень спокойно к этому отношусь. И все сразу меняется. Меня никто не ограничивает и не ставит ни в какие жесткие рамки. Предложение – это не кандалы, не наручники, а лишь взаимное обязательство сторон во времени и пространстве, которое меня дисциплинирует. Единственное, о чем может идти речь – это о приблизительном хронометраже произведения. Но по большому счету, я сам себе хозяин. А вот если я работаю для кино или театра, хозяином является режиссер, а я лишь одно из вспомогательных звеньев. И в этом тоже нет ничего ужасающего.

– Почему вы очень много своей музыки посвящаете определенным исполнителям?

– Когда я пишу для конкретного солиста, естественно, я принимаю во внимание его возможности и до некоторой степени даже его поже-

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

лания. Когда я пишу для оркестра, я чуть более свободен, хотя подсознательно, конечно, ориентируюсь на тех дирижеров, которых я знаю. Но сейчас я должен написать произведение для смешанного хора и четырех саксофонов и я буду писать совершенно свободно, как бы для себя, потому что я не знаю ни этого хора, ни этого квартета саксофонистов. Они мне прислали свои диски. Они замечательно играют. Но одно дело, когда просто слышишь, как играют, а другое дело, когда с испол-

заниматься только прикладной музыкой. Так что сейчас мой дом творчества просто переместился в Антверпен. Но мыслями, переживаниями и всем сердцем я нахожусь не только в Тбилиси, но и в Москве.

– А почему так складывается, что обязательным ингредиентом творчества является жизнь на чужбине?

– Мне кажется, что, если есть возможность, человек должен стараться часто менять место своего пребывания. Я не имею в виду туризм и простую человеческую привычку обязательно познакомиться со всеми уголками земного шара. Я говорю о том, что бывает хорошо где-то долго пожить. Это создает некоторое преимущество в восприятии мира.

– Как люди искусства, на ваш взгляд, должны выстраивать отношения с властью?

– По-разному. Мне ведь очень долго пришлось жить при советской власти. При том же режиме жил Шостакович, который писал абсолютно гениальную музыку. И сейчас выясняется, что музыка Шостаковича – это не только протест против определенной идеологии или конкретного режима, а нечто гораздо более великое и вне временное. Поэтому его музыка сегодня оказывается близкой людям на всех пяти континентах. Это замечательный пример того, как мог гениальный человек жить и творить при тоталитарном режиме. Но здесь надо учесть, что музыка, в отличие от литературы и даже живописи, явление абстрактное. Хотя всем известно постановление 1948 года, где Жданов учил композиторов писать музыку.

– «Революция роз» в Грузии отчасти была и вашей революцией?

– Я ее нормально воспринял. Но уже надоли эти бесконечные политические игры. Вообще, мне кажется, к власти надо относиться, мягко говоря, с осторожностью. Правда, сейчас я бываю в Тбилиси намного чаще, чем раньше. Но если даже я вернусь в Тбилиси, я все равно буду искать себе что-то типа домов творчества, чтобы иметь возможность уезжать. Чтобы писать музыку, мне необходимо уединение, а в Тбилиси это для меня нереально.

– У кого, на ваш взгляд, должны сегодня учиться молодые композиторы?

– Думаю, что этой профессией полностью я так и не смог овладеть. Мне кажется, на сегодняшний день ни Московская, ни Петербургская консерватории не утратили тех традиций, которые были у них всегда. Кроме того, я несколько раз бывал в Екатеринбурге и знаю, что там замечательная консерватория. Но для молодых композиторов, мне кажется, очень важен процесс самообразования. Огромное количество абсолютно гениальной музыки при наличии Интернета сегодня легко доступно. А какую дорогу или тропинку выбирать, это уже зависит от самого человека.

– А какие свои сочинения вы записали бы в свой «золотой диск»?

– Не знаю, я об этом никогда не думал. С одной стороны, ни одного, а с другой – столько, сколько бы поместилось. Может быть, «Стикс» первым бы записал...

– Большой театр вел с вами переговоры о сотрудничестве. Они завершились каким-нибудь контрактом?

– Один раз, года два тому назад, я вместе с Робертом Стура был в Большом театре. У нас были переговоры с дирекцией. Но они успехом

не увенчались. На тот момент Мстислав Ростропович договаривался со мной и с Робертом Стура, что мы вместе осуществим постановку новой оперы, которую я должен буду написать. Но, похоже, эта идея не вызвала у дирекции Большого энтузиазма. И, сказать честно, я даже рад, что ничего из этого не получилось. Это очень сложный процесс написания оперы. К тому же у меня наперед всегда столько работы написано, что я не могу высвободить минимум два года для того, чтобы ничего больше не писать, а работать только над новой оперой.

Я вообще очень долго старался не связывать себя с вокальной музыкой. И прошло очень много времени, пока я по настоянию своего продюсера написал этот вокальный цикл для Дмитрия Хворостовского, сорок минут музыки. Кстати, я считаю, что это произведение может быть поставлено и в оперном театре, так как эту баритональную партию можно распределить среди разных голосов. Там Байрон, Тютчев, Шекспир, Оден... Я ведь никогда не писал балетов, однако на два или три моих сочинения уже неоднократно поставлены балеты.

– Но все-таки в вашей биографии есть одна опера – «Музыка для живых», написанная двадцать лет назад...

– Мой друг Джамсунг Кохидзе, когда его назначили главным дирижером Тбилисской оперы, обратился ко мне с просьбой написать оперу. Роберт Стура сделал либретто. И так я написал оперу, только ради любви к своим друзьям. «Музыка для живых» четыре года назад поставили в Веймаре. Прежде она шла и в Тбилиси. Но там возникла большая проблема – оказалось невозможным найти хор мальчиков. У нас гениально поют фольклор, но, к сожалению, у нас нет культуры академического хорового пения. Сколько я себя помню, в Грузии нет нормальной капеллы. Поэтому хор для постановки пришлось делать смешанным. И моя опера шла до тех пор, пока мальчики и девочки не подросли настолько, что девочки начали беременеть. В итоге и в Веймаре возникла такая же ситуация. Сейчас идут переговоры о постановке этой оперы в Швеции.

– А что вы просите привезти вам в Антверпен из Тбилиси?

– Кукурузной муки, потому что кукурузная мука, та, что продается в Бельгии, не имеет ничего общего с той мукой, что можно найти на тбилисских рынках. Я очень люблю лепешки из кукурузной муки. Но не только ее. Могут привезти чурчхели или ткмали.

– Вам нравится жить по европейским правилам?

– Я не живу по европейским правилам, как жил всю жизнь. Я знаю лишь два языка – грузинский и русский. Мое общение с миром происходит посредством музыки. Но я никому не доставляю никаких неудобств, потому что у меня электронный инструмент и работаю на очень маленькой громкости или в наушниках. Я заядлый курильщик. Но, к счастью, в Европе против курения пока еще нет таких draconовских правил, как в США, где борьба с курением доведена до абсурда. Помню, мы с супругой курили на улице в Сан-Франциско и к нам подошла парочка влюбленных геев с претензией, что мы портим воздух...

291 Канчели Гия 23.11.04